

ПРОЛОГ

Цивилизация живет и цивилизация умирает. Так было до нас, то же случилось и с нами — человечество в том виде, в каком мы его знали доселе, агонизирует. То, что строили столетиями, рухнуло как картонный домик буквально за неделю. Кошмары из детства и бурная фантазия голливудских сценаристов воплотились в жизнь — мертвые пошли по земле, неся за собой хаос, разруху и смерть. И так повсеместно. Спрятаться негде. Теперь просто так жить не получится. Теперь жизнь — постоянная борьба за существование, а каждый день может стать последним.

Что случилось, откуда появились ожившие мертвецы на улицах городов и поселков, доподлинно неизвестно. Единственное, что поняли выжившие путем проб и ошибок, исчислявших человеческими жизнями, — что достаточно одного укуса инфицированного, будь то человек или собака, чтобы заразиться непонятной болезнью, скоростижно скончаться и восстать уже в другой ипостаси. Приходилось быть постоянно настороже, ведь даже горячо любимые родственники или добродушные соседи могли нести в своем теле смертельную угрозу.

И как всегда в такие моменты, когда слетел чуть видимый налет цивилизованности, в людях ярко обозначились все их качества — от звериной жестокости и подлости до героической смелости и самопожертвования. Кому-то повезло больше, и он оказался в нужное время в нужном месте. Кому-то меньше — пришлось цепляться

за жизнь всеми способами. Объединившись группами вокруг военных, занимающих выгодные позиции, они не только выжили, но и продолжили налаживать привычный быт в столь нелегкое время, в промежутках между вылазками в мертвый город и спасательными операциями.

Что ж... Настали времена, когда стало четко понятно, кто есть кто.

21 МАРТА

*10.30. Севастополь, улица Бориса Михайлова
Дмитрий Матвеев*

Василькового цвета «Богдан» с синими милицейскими номерами протискивался по узким улочкам Матюхи¹. Старшина Сашка Чучукин материл всех и вся, когда вышли на площадь Восставших и, несмотря на включенные мигалки, еле протолкались среди столпившихся на кольце перед Первой городской больницей машин, автобусов и топиков².

«И откуда их здесь столько взялось? Вроде утренний час пик уже должен был закончиться, а обеденный еще не наступил», — только и мелькнуло у старшины в голове, когда он смотрел, как по пешеходному переходу в сторону травмпункта чешет мужик и держится за поврежденную руку. Что там с рукой, было абсолютно неинтересно — мало ли переломов случается, да и просто ушибов?

На сиденьях расселись ребята. Творящаяся в городе хрень не давала покоя. Особенно поставленная Мустангом задача: забрать его дочку из школы возле Портовой поликлиники. Как будто делать им больше нечего... Не «Беркут», а Мери Поппинс на выезде. Но приказы не обсуждаются, сами знаете. Это распоряжение шефа откровенно попахивало превышением должностных полномо-

¹ Матюха — район г. Севастополя, ограниченный улицей Л. Толстого, улицей Руднева и улицей Ленинградской. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Топик (*местный сленг*) — маршрутное такси.

мочий. Хотя, будь на его месте Митрофанов, неизвестно, как бы он сам поступил в такой ситуации.

Когда автобус уже завернул на улицу Бориса Михайлова, что находится в Гагаринском районе недалеко от Камышовой бухты, Чучукин открыл форточку, достал сигарету и, отвлекшись, стал чиркать зажигалкой, чтобы прикурить. Глухой удар, громкий хруст и резкий голос матерящегося водителя, который до этого не особо вглядывался в дорогу, отвлекли капитана Дмитрия Митрофанова от размышлений. Через несколько секунд Дмитрий и «водителя» уже стояли возле передка «Богдана» и рассматривали вмятину в бампере и капоте. Сашка непрерывно выдавал все новые словарные обороты известного содержания. Митрофанов несколько секунд рассматривал тело, лежавшее под автобусом. Его затащило недалеко, не дальше картера «дрыгателя», но, видимо, слегка протащило по асфальту... Вот ведь попадос!

— Сашка, етить твою в три дороги! — с досадой почесывая затылок, наконец изрек Дмитрий. — Ты чем сделан?! Я тебе сейчас ту сигарету запихну туда, куда бы ты не хотел! Ты какого лешего на дорогу не смотрел?! Теперь нам вэвэшники и прокурорские устроят тихую Варфоломеевскую ночь!

— Тащ капитан, да только на секунду отвлекся! — начал оправдываться Чучукин. — Кто ж знал, что этот придурок, зачатый в пьяном угаре, под колеса полезет?! Вот ведь твою задницу!

— Эй, Панасенко! — крикнул в салон автобуса капитан. — Вызывай «скорую» и гайцов. Остаешься с Чучукиным и обеспечиваешь охрану места происшествия до прибытия «банной команды». Остальным — на выход и пешочком на задачу. Панасенко, смотри мне, чтоб ни одна голимая лань тут не шлялась! И за этим Шумахером пригляди, чтоб не сбежал. Иначе задницу твою на британский флаг порву.

— А шо за «банная команда»? — спросил Панасенко.

— Прокурорские, гайцы и остальные мозгоклюи. А «банная» — потому что приезжают и начинают парить.

— А ты, мой маленький мордатый друг, — уже обращаюсь к Сашке, продолжил Митрофанов, — разминай анус и готовься к встрече с прокурорскими и остальными мужеложцами. Вазелин еще нужно заслужить! Сука, блин, понабирают по объявлению... Чучукин! Стране нужны герои, а бабы рожают идиотов, таких, как ты! Ты когда-нибудь имел дело с прокурорскими?

— Нет, — покачал головой поникший водила.

— Ну ничего, поимеешь... Сейчас приедет их граф Дракула, попьет твоей кровушки и собьет с тебя пыльцу девственности. Так что готовься к анальной дефлорации, Саня.

И вдруг неожиданно медленно поднялась рука покойника, ухватилась за тягу рулевой рейки, после чего, перевернувшись на живот, неловко царапая ногтями асфальт, жертва начала выползать наружу.

— Ни хрена себе расклады! — удивленно проговорил Митрофанов, наблюдая за неожиданными телодвижениями жмура. — Ну, чё вы встали, как папашины харитоны после виагры?! Бегом за аптечкой! Окажите помощь человеку!

— Да уж, чувак, ну и видок у тебя, — хмыкнул уже с некоторой долей облегчения водятел. — Как у Муму после всплытия.

— Йо-о-о-о! — взвыл капитан, заметив, что у наполовину вылезшего из-под автобуса терпилы вырваны гортань и пищевод. — С-с-сука! Как ты еще живешь?!

— Тащ капитан! Не подходите к нему! — крикнул Пашка Иванов по кличке Паштет и схватил Митрофанова за рукав.

— Паштет, чё за фигню ты городишь?! Как не подходить?! — опять дернулся в сторону потерпевшего Дмитрий, но Паштет снова схватил его за руку и не дал капитану приблизиться к лежащему под машиной мужику. — Ты видишь, какие у него раны?! Хочешь, чтобы он загнулся?!

— В общем, я тут по аське на мобилке с девушкой своей сейчас общался, пока ехали... — как бы оправдываясь, сказал Павел под тяжелым взглядом Митрофанова. — Она у меня в Москве учится. Говорит про каких-то зомбей и живых мертвецов. По ее описанию этот чувак очень даже похож...

— Ты чё, о сосну долбанулся?! Какие, на фиг, ходячие мертвецы?! Что курит твоя девушка?!

— Да ниче она не курит, — покачал головой Иванов. — Просто так она такое не говорила бы. Сидит дома и боится выходить.

Дмитрий глянул на встревоженное лицо подчиненного, потом на шевелящегося пострадавшего и снова на Паштета.

— Ладно, есть у меня корефан, сослуживец бывший, подался он гастером в Москвабад. Сейчас ему позвоню. Но смотри у меня, Паштет, если инфа не подтвердится и терпила загнется — посажу тебя. Гад буду, посажу! — сказал Митрофанов и достал из верхнего кармана разгрузки мобилку.

Быстро нашел в телефонной книге российский номер Славки Овчарука — сослуживца-собутельника по Пятой отдельной механизированной бригаде, в которой они служили во время ввода украинского контингента в Ирак. После ротации оба уволились из «Разоруженных сил Украины». Помыкавшись на гражданке, Димка пошел служить в «Беркут», а Славка подался на заработки в «Нерезиновую». Несмотря на то что Митрофанова турнули из армии по НССу¹, потом его с огромным удовольствием приняли в МВД, потому что опыт боевых действий никогда не бывает лишним. Дмитрия на беседу даже сам начальник Севастопольского управления вызывал и «подписался» за него, ибо вакантных должностей было больше, чем людей.

Пошли гудки вызова. Первый, второй, третий... Терпила уже почти выполз на руках из-под автобуса и повер-

---

¹ НСС — неполное служебное соответствие.

нул лицо в сторону капитана. Пока Дмитрий дожидался ответа Овчарука, его взгляд случайно упал на глаза потерпевшего. Капитан еще никогда такого не видел: белесые, полные бессмысленной, немотивированной злобы глаза. Офицер невольно вздрогнул и отвернулся. Звуки зуммера казались неправдоподобно долгими, как будто их специально кто-то растягивал во времени. Славка был чуть ли не единственным человеком, которому Дмитрий Митрофанов верил безоговорочно.

— Да, Димец! — наконец-то отозвалась «Нokia» голосом Овчарука. — Только быстро! Тут полный звездец и ахтунг в придачу творятся!

— А что именно?! — неожиданно для себя очень громко крикнул капитан, услышав в трубке звуки перестрелки.

— Димон, ты меня знаешь! Никогда чарс или еще какую хрень не курю и психом никогда не был. Тут как в фильме ужасов — мертвецы ходят, жрут людей. Медики с ментами как трипперные зайчики по Москве мотаются. Слышишь стрельбу? Так это они валят зомбаков. Недавно прораба пришлось замочить — приперся уже мертвым и давай кусать да жрать молдаван. Я его «уговорил» лопатой по чердаку. В общем, слушай вниматочно и сосредоточенно: если у вас такая же хрень творится — не подпускай к себе зомбаков и не давай им себя укусить. Обязательно пробивай мозг! В другие места стрелять — в пользу нищих. У мертвяков первый признак: травмы, несовместимые с жизнью, бледный вид, как полагается покойникам, и белесые глаза. Да сам, если что, увидишь. Короче...

Неожиданно связь прервалась — скорее всего, закончились деньги на счету. Впрочем, Дмитрий услышал основное, так что теперь необходимо было действовать — машинальными, отточенными годами, привычными движениями он щелкнул предохранителем, пердернул затвор и вскинул АКС-74.

Увидев движения командира, бойцы врассыпную отскочили из предположительного сектора обстрела. Мало

ли, рикошетом достанет. Тем не менее капитана никто не попытался остановить — раз он что-то делает, значит, так оно и надо. Прозвучал одиночный выстрел, визгнула пуля, отскочившая от асфальта куда-то вверх. Маслина вошла терпиле чуть выше правого виска, оставив аккуратное входное отверстие. Левую щеку, ухо и нижнюю челюсть разворочало при выходе, а ошметки мозгов оставили на асфальте серый, с едва заметными красными вкраплениями «натюрморт» в стиле «Человек. Вид изнутри».

— Тащ капитан, чё это только что было? — сдавленно спросил Чучукин, глядя на ошметки мозгов, которые попали ему на носок берца. — Вы ж себя под статью подвели!

— А ну тихо! Подошли сюда все! — поставив АКС на предохранитель и дождавшись, пока остальные члены группы подойдут поближе, сказал Митрофанов. — Все видели, *что* именно только что произошло?! Так вот, мужики, если хотите выжить, слушайте меня в три уха и на ус мотайте, нет усов — на уши мотайте, как вырастут усы — перемотаете. Я завалил не человека, а зомби, как бы странно или абсурдно это ни звучало. Все знают поставленную задачу?! Чистим школу, ищем дочку командира, а также эвакуируем всех живых, кого сможем. Никого без присмотра не оставлять: живых — берем с собой, зомбей — валим. Патрики экономим, валим в голову и наверняка. И самое главное — к себе близко никого не подпускать! Иначе — смерть. Любая мельчайшая царапина или, не дай боже, укус — моментальная смерть. Потому что я сам укушенного завалю. Входим в школу и сразу в башню... В здании работаем пистолетами — чтобы рикошетами своих не задеть. Как всегда, делимся на три группы: штурмовую, огневой поддержки и обеспечения. Штурмовая группа: Паштет, Панас, Шило и Миха. Командир — Миха. Огневая поддержка: Кирпич, Завгар и Грек. Грек — за старшего. Обеспечение: Чук, Семен и Лось. Семен и Лось — на «ваньке». Лось — рулишь группой. Эфир болтовней не засорять! Это тебя касается,

Паштет! Еще одна твоя хаханька по рации — и вешайся! Позывные у всех по кличкам. У меня — Митя. Вот только пусть кто-нибудь попробует в жизни так назвать...

— Товарищ капитан, а как определять — кто свой, а кто зомбак?! — спросил сержант Шиловский по кличке Шило. — Когда против террористов-то и бандюков воюем, все понятно, ну там, ориентировки, фотороботы или оружие. А тут непонятки. Сами знаете, что в горячке и своих завалить недолго.

— Шило, ты, блин, чем слушаешь? Тампаксы из ушей вытащи. Специально для тех, кто в танке, говорю большими буквами! Визуально различимые травмы, несовместимые с жизнью, белесые глаза, мертвяки пытаются укусить или еще как-то травмировать. Живые будут стараться спрятаться, зомбаки — нет. Ясно?! Дальше... Чистим сначала первый этаж, эвакуируем тех, кто остался, переходим на следующий. И так пока до крыши не дойдем. Группа обеспечения вдумчиво и с расстановкой осматривает выживших, особенно тех, у кого на одежде или на коже следы крови. Если есть раны, пофигу какие, — сразу пристегивать наручниками к любой более-менее крепкой железобетонной фигуре. Потом будем разбираться, кто есть ху. Если из живых кто-то «кеды в угол поставит» — не раздумывая пробивать черепушку. Обращаю внимание всех — стрелять только в головы. Пленные нам не нужны. Все остальное — как обычно. Панас, ты вызвал «скорую»? Им тут хреном кинуть, чтобы приехать! — намекнул капитан на находящуюся на этой же улице станцию «скорой помощи». — Свяжись с базой, пусть подкрепление присылают. Эх, посадить бы еще снайперов на высотки... Ладно. Пока все. Всем все ясно? Работаем. Разойдись.

Бойцы облачились в экипировку и теперь привычно подгоняли ее, изредка подпрыгивали на месте и проверяли, чтобы ничего не звенело, не стучалось или не брнчало. Включили тактические рации, проверили связь. Митрофанов еще раз построил группы, осмотрел каждо-

го спецназовца, остался удовлетворенным и дал команду на выдвижение.

И без того редкие прохожие, увидев вооруженных людей в приметном сером камуфляже, в полном облачении, старались обойти их десятой дорогой, а проезжающие автомобилисты и вовсе рисковали попасть в ДТП — так выкручивали шеи.

Впереди, разбившись по парам, шли штурмовики, перемещались по обеим сторонам улицы, чтобы в случае чего каждая из двоек могла прийти на помощь другой. Огневая поддержка заняла позиции по обеим сторонам улицы — в случае чего так можно было взять противника в мешок. Дмитрий шел вместе с группой обеспечения.

— Это Миха, у входа в Портовую поликлинику наблюдаю группу из пяти человек в медицинской одежде с ярко выраженными следами крови. Как-то странно они себя ведут, — передал командир штурмовиков.

— Да я тоже их вижу. Присмотрись, нет ли ран или иных повреждений.

— У них рожи в крови, как у вампиров, блин!

— Ликвидировать! — отдал приказ Митрофанов.

— Еще раз повторите приказ!

— Ликвидировать! Ешкин кот!

— Принял!

Раздались одиночные выстрелы, и фигуры в бело-зеленых одеждах последователей Гиппократы, коротко дернув головами от точных попаданий, изломанными страшными куклами упали на асфальт, после чего больше не шевелились.

— Это Миха. У меня минус два.

— Я Паштет — минус один.

— Здесь Панас — минус один подтвержденный.

— Я Шило — у меня минус один.

— Осмотреться, при обнаружении людей с малейшими признаками ненормальности открывать огонь без команды. О готовности к выдвижению доложить. Грек, меняйте позицию. Открытие огня без команды и вас касается.

- Миха принял.
- Грек принял.
- Грек — Мите. У меня двести два¹. Готовы прикрыть перемещение Михи.
- Это Миха. У меня двести два, готов к выдвижению.
- Митя — Михе: приступайте. Следующий рубеж: первая пара — крыльцо магазина «Лидер», вторая — угол забора школы. Повторяю, огонь по подозрительным лицам открывать без команды.
- Принято.
- Митя — Завгару. Подгоняй бус к школьным воротам. Двигло не глуши.
- Завгар принял. Выполняю.
- Я Паштет, — прозвучал в эфире голос Пашки Иванова. — Замечена неподвижно стоящая группа школьников.
- Я Миха — подтверждаю. Наблюдаю кровь, у некоторых рваные раны лица и рук.
- Митя — второй группе: давайте через дорогу к школе.

Не успел капитан отдать приказ, как от «Лидера» с его черно-желтой вывеской рванули через дорогу две коренастые фигуры — Панас и Шило. Грек в это время усиленно крутил стволом по сторонам, а тут и Чучукин подогнал автобус, рыча движком на всю округу, как раненый мамонт в брачный период.

Со стороны школьного забора, возле которого как раз оказались Миха с Пашкой, прозвучали выстрелы.

- Паштет: минус два... Блин, мужики, это же дети!
- Я Миха. Подхожу поближе. Нужно осмотреться.
- Аккуратней там! — посоветовал Дмитрий, крепче перехватывая автомат.

— Я Панас — захожу вместе с Шилом и Михой.

Через какое-то время эфир заполнил отборный мат, исходящий из глоток бойцов штурмовой группы, вперемешку со звуками автоматной стрельбы.

---

¹ Двести два (*армейский сленг*) — все в порядке.

— Докладывайте! — рявкнул Митрофанов, забыв представиться.

— На нас напали. Повторяю — напали.

— Кто?

— Паштет на связи. Нападавшие — школьники. Дохлаые. Совсем дохлаые — даже проверять не надо. Их много.

— Как обстановка? Удерживать можете?

— Пытаемся. Прут со всех сторон.

— Идем на подмогу! Грек, Чук, Семен, Лось, бегом арш! — рявкнул Митрофанов, на бегу снимая с предохранителя «калаш» и передергивая затвор, чтобы в любой момент можно было открыть огонь по противнику. ...По новому виду противника...

Грохоча тяжелыми армейскими ботинками по серому покрытию потрескавшегося асфальта, мужчины буквально влетели в распахнутые ворота школьного двора, где сразу же увидели весь ужас происходящего. Посреди двора, как раз на том месте, где обычно проводились праздничные линейки, заняв круговую оборону, стояли парни. Мишка с Паштетом заняли левый сектор обзора, Шило — правый, Панас же подстраховывал тылы, но как только заметил подмогу, тут же переключился на помощь Шилу.

А детишки перли и перли! Кто выходил качающейся походкой из огромных дверей храма знаний, кто, хромая, вываливался из-за угла школы. Дмитрий мог поклясться, что и в окнах прижимаются к стеклам бледными лицами мертвые ученики.

Рассуждать о природе этого явления было некогда, автоматный треск и ветвистая армейская ругань заглушили все мысли. Думать предстоит потом. Сейчас перед ними другая задача.

На школьном крыльце появилась девочка в ярко-розовом свитере, щедро залитом кровью. Кровь была и на ее лице, и на руках. Девочка на какое-то мгновение остановилась, будто оценивая обстановку, и довольно шустро по сравнению с остальными учениками бросилась на беркутовцев. Пуля настигла ее практически за пару мет-

ров до опустившегося на одно колено Семена, тщедушное неживое тельце дернулось и по спиралевидной траектории упало на пол.

Сколько таких худеньких, невысоких детских тел скопилось на этом дворе, сказать сейчас было сложно — никто их не считал. За спиной со стороны улицы послышался какой-то крик. Дмитрий обернулся, чтобы глянуть, кто же там воет так, что его слышно даже сквозь весь этот грохот. Крикуном был какой-то мужик, по стечению обстоятельств оказавшийся рядом. При виде того, как отряд «Беркута» расстреливает школьников, он не бросился уносить ноги, как это сделало бы девяносто процентов населения, а попытался урезонить вояк, давая на их совесть. Лось, контролировавший тылы, и Чучукин, высунувшийся из кабины, пытались втолковать чересчур деятельному гражданину, что все не так, как кажется на первый взгляд, и что ему лучше уносить отсюда ноги, но дядька не поддавался. Шаря в кармане в поиске мобилки, мужик понесся прямо к группе, крича на бегу, чтобы дети убегали и прятались. Потом один из мертвых детишек вцепился в удивленное от вида белесых глаз и мертвенно-бледной кожи лицо мужика. Дядька захрипел, пытаясь оттолкнуть от себя странного бледного высокого пацана-старшеклассника, но тот мертвой хваткой впился в плечи прохожего и вгрызся бедолаге в щеку. Боль была явно нестерпимой, что-то горячее, наверное кровь, стекало по шее и попадало за воротник дешевой куртки.

Наконец мужику удалось вырваться из смертельных объятий. Зажав поврежденную щеку рукой, дядька со всех ног дернул вон из этого ада, вспомнил, что здесь неподалеку поликлиника, туда и направился.

— Вот придунок! — коротко бросил Дмитрий.

— Ага. И не жилец... Может, пристрелить его стоило? — поинтересовался Пашка.

— Вот откинется — тогда и пристрелим, а пока он жив — он гражданин этой страны, а мы поклялись гражданам защищать, — с излишним пафосом ответил Дмитрий.

Поток детишек с каждой минутой уменьшался, но вот со стороны улицы от Завгара стали поступать доклады о медленно приближающихся покачивающихся фигурах. Значит, такое творилось не только в школе.

— Митя, что это за фигня?! — тяжело дыша, спросил Шило, сменив рожок автомата и переведя взгляд на напряженное лицо командира. — Это же дети... Мы сейчас кучу детишек положили...

— Ага, дети! Цветы жизни, блин... Как же... Ты видел, как тот ребенок мужику в лицо вцепился... Нет, права была Пашкина подружка — зомбаки они. Смотрите, — Пана нас подошел к ближайшему трупику. Пули практически превратили тело в фарш, но то, что когда-то было ребенком, даже с перебитыми ногами пыталось ползти в сторону людей. — Ты видел когда-нибудь, чтобы после таких ран выживали?

— Ну, может, он на адреналине... — упрямо гнул свое Шило.

— Ни фига себе! На адреналине! — подключился к разговору Чук. — Да тут конская доза должна быть...

— Уймись! — коротко бросил Дмитрий и выстрелил в голову мальчишке, который сразу же затих. — Давайте все разговоры потом. А сейчас у нас есть дело...

— Дим, а как мы дочку шефа найдем? Мы ее и в глаза-то не видели... — задал резонный вопрос Паштет.

— Точно! — Митрофанов извлек из нагрудного кармана небольшой фотоснимок, на котором шеф держал на руках пухленькую девчушку с задорными каштановыми косичками. — Изучите... Заодно нужно проверить этих, что на улице, — мало ли...

Парни по очереди посмотрели фотографию, запоминая лицо девчушки, а потом разбрелись по небольшому двору, всматриваясь в лица упокоенных школьников. Кто-то не выдержал и проблевался — Дмитрий по рыжеватой шевелюре, виднеющейся из-под гандонки определил, что это Чук.

— Ну что? Есть результаты?

Парни только развели руками и отрицательно покачали головами.

Предстояла зачистка здания. Ничего нового или сверхъестественного, особенно если учитывать типичность планировок зданий школ: все как везде — буква «П», с одной стороны столовка и спортзал, а со второй — крыло начальной школы.

В спортзале нашли выжившего... Это было бы смешно, если бы не было так печально. Когда штурмовая группа ввалилась в спортзал, увидела следующую картину — практически под потолком на толстом канате, обхватив его руками и ногами, висел перепуганный пацан, а под ним стояло несколько мертвых тварей, щеривших в сторону Тарзана морды и тянущих руки — словно языческие жрецы, посылающие свои мольбы к богам...

Но боги были благосклонны к мальчишке под потолком. Штурмовики двумя залпами снесли головы тварям и крикнули парню спускаться, но тот только покачал головой.

— Пацан, не дури! Спускайся! Здесь безопасно!

— Н-не м-могу! Р-руки н-не слуш-шаются, — засипел тот еле слышно.

— Беда... — проговорил Миха, прекрасно понимая, что с парнем. От напряжения руки затекли, и без посторонней помощи он просто не мог их разжать. — И что делать будем?

— Я сейчас полезу к нему. А вы из подсобки под канат все имеющиеся маты стаскивайте, — забросив автомат за спину, вызвался помочь Пашка. После чего, высоко подпрыгнув, словно Маугли, начал карабкаться по раскачивающемуся в такт его движениям канату.

Парни быстро притащили маты, накидали их в несколько слоев прямо поверх трупов. Но вряд ли даже несколько слоев спрессованной ваты могли спасти от падения с пятиметровой высоты... Хотя... как знать.

Паштет практически добрался до парнишки, который все еще продолжал нервно трястись. Кое-как он разжал ему одну руку, отчего тот чуть было не свалился, но вовре-

мреагировал и удержался второй, помогая себе пере-
крещенными ногами. Потихоньку вместе с Пашкой паре-
нек начал двигаться вниз, рассказывая что-то по пути.
Как потом оказалось, в восьмом классе, где как раз учился
этот парень, был урок физкультуры, во время которого и
появились первые зомби. Тогда пацан как раз сдавал зачет
по канату — да так и остался под самым потолком, наблю-
дать, как погибают и воскресают уже в иной ипостаси его
одноклассники. Когда наконец Пашка с пацаном спусти-
лись, паренька быстренько вывели к автобусу.

Шефовой дочки так и не нашли. Ни живой, ни нежи-
вой...

Да и во всей школе выживших было немного. Помимо
Тарзана из спортзала спаслись еще одиннадцатиклас-
сники — практически полным списочным составом. Им
посчастливилось во время начавшегося кавардака оказа-
ться на уроке ДПЮ¹, учитель которого — тертый калач —
удивительно быстро сориентировался и забаррикадиро-
вал класс.

Конечно, преподаватель не мог знать, что нападав-
шие являлись зомбаками. Увидев переполох, он решил,
что теракты и захваты заложников из соседней страны
перекочевали в «Нэньку», вот и действовал так, как счи-
тал нужным. А просчитал он все верно, в результате чего
и спас почти двадцать жизней.

В переполненном автобусе возвращались на базу в
полной тишине...

...Задание не было выполнено...

23 МАРТА

12.30. Севастополь, Северная сторона

Степан Рогов

Степан Рогов за свои недолгие тридцать лет повидал
всякого, но то, что творилось в родном Севастополе в по-
следние три дня, не влезало ни в какие рамки. Эти три

---

¹ Допризывная подготовка юношей.

последние дня были настолько наполнены разнообразными событиями, что голова шла кругом.

Сначала от него ушла его дражайшая супруга. Вот просто так, толком даже ничего не объяснив, собрала вещи и — адью! В тот же день в городе начались те самые события, которые вынудили Степана бросить работу и квартиру, чтобы податься в деревню к своим родственникам на Херсонщине.

На соседнем кресле автомобиля сидел Мишка Яковлев — когда-то Степа учился с ним в одном классе, а вот теперь, больше чем через десять лет, судьба вновь свела их вместе... Да еще как! Степан спас Мишку с приятелем от разъяренной толпы оживших мертвецов, которые наводнили город. Но, как говорится, от добра добра не ждут. Это Степан понял после того, как приятели попросили его подкинуть их в Инкерман — некогда отдельный город, а теперь один из удаленных районов Севастополя.

Там что-то произошло. Что именно, Степан мог только догадываться, но Миха и его приятель по кличке Пуля вернулись оттуда возбужденными да еще и с пистолетом.

Степа с новоиспеченными поделщиками вырулил из Инкермана, Мишка настоятельно порекомендовал направиться в Северную сторону. Его рекомендации в виде вороненого ствола пистолета носили строго обязательный характер и критике не подлежали, поэтому Степан, стиснув зубы, направил «шевроле» в нужном направлении.

Не сказать чтобы трасса была сильно загружена, но число машин превышало обычное, поэтому и число аварий на дороге удвоилось. Посчастливилось проехать мимо нескольких разбитых машин.

— Куда мы едем? — поинтересовался Степан.

— Прямо! — ответил Пуля, негромко хихикнув, чем вызвал очередной приступ досады и огорчения у Степана.

— А серьезно? — переспросил тот.

— А серьезно — на Бартеньевку! — убрал пистолет Яковлев, глядя через стекла автомобиля на проносящиеся мимо пейзажи. — Ты, Степик, не очкуй! Сейчас поедем по одному адресочку — отсидимся там. Да и пожрать-то не мешало бы, нафиг! Ты как насчет пожрать, Пуля?

— Да я бы и не только пожрать... — показал бандит многозначный жест, в научных кругах обычно обозначающий совокупление особей противоположного пола с целью продления рода, то бишь размножения.

— Гы! — издал неопределенный звук Миха, скривив в ухмылке рот. — Это дело...

Степан старался не показывать, что испуган, но в голове уже прокручивались разные сценарии — он думал, как бы поудачнее слинять. К сожалению, пока у бывшего одноклассника был пистолет, это казалось весьма и весьма затруднительным, так как сомнений в том, что приятель применит оружие по назначению, у Рогова не возникало. Ладно, пока придется им подыграть, а там видно будет...

Возле заправки, что была на развилке, ведущей на Мекензиевы горы, названные в честь англичанина, поступившего на службу в русский флот в середине восемнадцатого века и прославившегося строительством города на берегах Ахтиарской бухты, увидели какую-то потасовку — несколько мужиков с упоением колошматили друг друга. Степан, не останавливаясь, проехал мимо и на развилке свернул на дорогу, ведущую к Северной.

— Что со мной будет? — задал наконец так волновавший его вопрос Степа, ругая себя за то, что согласился помочь однокласснику, оказавшемуся бандитом и уголовником.

— А что с тобой будет, нафиг? — переспросил Миха, прищуриив один глаз. — Веди себя хорошо — и проживешь долго и счастливо... И не надо так на меня зыркать. Я б тебя порешить мог еще там, в Инкермане, но по старой памяти и за то, что подобрал нас с Пулей на дороге,

решил не трогать и дать шанс влиться в дружеский коллектив. Да, Пуля?

— Да чё ты с ним бакланишь?!

— Спокойно, Пуля. Я тебе говорил, Степик — мой школьный корефан, так что поутихни чутка...

— Куда дальше? — буркнул Степан, проезжая железнодорожный переезд перед Братским кладбищем, на вершине которого виднелась пирамида Свято-Никольского храма с огромным каменным крестом. Это был единственный в городе храм, в котором не венчали пар, решивших объединить себя узами Гименея.

— Пока езжай прямо, сразу после пустыря сверни направо, а потом опять прямо. Дальше я покажу.

Степан, как и сказал Миха Яковлев, проехал мимо пустыря, идущего вдоль забора старого кладбища и заканчивающегося дорогой, на которую они и свернули. На этом пустыре местные пацаны частенько гоняли в футбол, несмотря на то что периодически там же выпасались лошади, оставляющие после себя «минные поля». Теперь же мальчишек, естественно, не наблюдалось — только несколько медленно бредущих фигур, их походка тут же обнаруживала мертвецов. Причем один из зомбаков был священником — даже перепачканная в весенней грязи одежка выдавала своего владельца с потрохами.

Интересно, много ли людей бросились в храмы и церквушки, чтобы замолить свои грехи? Уже там, искусанные, они оборачивались и начинали кусать других. Наверное, достаточно. Народ вообще отличается таким свойством — стремится в церкви во время каких-либо неурядиц или в трудные времена, пытаясь найти душевные силы в общении с высшими существами.

Этот район в большинстве своем состоял из домов частного сектора и всего нескольких унылых серых многоэтажек, стоящих вдоль основной дороги. Поэтому и зомбаков было не в пример меньше, чем в городе. Все-таки сказывалась малая кучность населения. А вот дальше, там, где начинались девяти- и двенадцатиэтажные дома,

дела должны были обстоять намного серьезнее. К тому же две поликлиники, станция «скорой помощи» и отделение милиции могли только усугубить эту ситуацию. Решение двигать к родственникам в деревню казалось единственно верным.

— Еще немного... Все, возле тех ворот тормози!

— Пуля, вылазь, нафиг! Надо будет с Колянном добазариться! — Сам Миха остался в машине и снова достал ствол. — Советую тебе не делать резких движений — целее будешь!

Пуля выбрался из машины, огляделся по сторонам в поисках подкрадывающихся зомбаков, коих не обнаружил, и двинул к огромным зеленым воротам с калиткой. Звонка не было, поэтому преступник со всей дури несколько раз ударил носком ботинка в полотно ворот, тут же отозвавшееся гулким звоном.

— Колян! Открывай! — заорал Пуля, снова и снова барабанил по калитке.

Во дворе заголосила собака, а вслед за ней подтянулись и соседские псы — началась громкая гавкотня на всю улицу.

— Кого там черти принесли? — раздался по ту сторону ворот ворчливый голос, еле слышный из-за бреха пса.

— Колян, мать твою! Отворяй! Это Пуля с Михаем!

Грюкнула железная щеколда, и калитка немного открылась, сквозь неширокую щель просунулось дуло старенького одноствольного ружьишка.

— А ну-ка! Два шага назад, чтобы я тебя видел. А то щас кого только по улицам не носит... И действительно, Пуля... Чего тебе? — недовольно буркнул Колян. — За чем пожаловали? Не звал я вас.

— Отсидеться надо.

— А там кто? — Мужик махнул стволом в сторону грязного «шевроле».

— Там Михась с корешем.

— Что за кореш?

— Это ты у Михася спрашивай. Его кореш — его и спрашивай.

— Отсидеться, говоришь? А что уже натворили?

— Да ничего, Колян! Просто ищем безопасное место, а то сам наверняка знаешь, что творится...

— А я тут при чем?

— Колян, ну не чужие же... не выгонишь же нас?

— Ладно! — кивнул мужик после краткого раздумья. — Загоняйте машину!

Хозяин дома закинул ружье на плечо и начал распахивать створки ворот. Во дворе все так же заливалась лаем собака, практически до предела натягивая цепь.

— Давай! Заезжай! — коротко бросил Миха, как только дверцы ворот открылись достаточно для того, чтобы протиснулся «шевроле».

Степан немного надавил на педаль газа, и автомобиль аккуратно вкатился во двор, после чего он заглушил двигатель и выбрался из-за руля. Следом за ним, протиснувшись мимо наваленных сумок, выскочил Буль и прижался к ногам хозяина.

— Здоров, Колян, — протянул руку хозяину дома Мишка.

— Ну, здоров, Михась! — пожал в ответ протянутую руку здоровяк. — Каким ветром принесло?

— Да вот... пересидеть пару деньков надобно. — Мишка почесал рукой подбородок. — Пока вся эта неразбериха не успокоится.

Яковлев многозначительно кивнул за спину, намекая на то, что творилось в городе последние три дня. Хотя сейчас было потише — ни тебе сирен «скорой помощи», ни стрельбы... впрочем, последняя долго ждать себя не заставит — иногда все же слышались хлопки пистолетов или звуки, характерные для автоматных очередей. Но где именно стреляли, сказать было сложно — все же над водой звуки распространяются быстро.

— Думаешь, что оно все само рассосется? Даже бодун сам по себе не рассасывается.

— Ну, посмотрим, — философски заметил мужчина, не забывая оглядываться по сторонам.

— Ладно, заходите в дом, — кивнул в сторону крыльца Николай.

— А кто в доме, кроме тебя? — зыркнул недобрым глазом по сторонам Миха, пытаясь понять, нет ли кого постороннего.

— А тебе какое дело? Тебя это волновать не должно... — недовольно пробурчал хозяин, но потом все же ответил: — Дочка старшая с мужем и младшая... с подругой. Прячутся.

— С подругой?... — заинтересованно хмыкнул Пуля.

— И думать забудь! — зыркнул из-под бровей темными глазами хозяин дома. — Они в моем доме и под моей крышей. А кто под моей крышей — тот в полной безопасности. Уяснил?!

Пуля недовольно скривил рот, отвернулся в сторону, сплюнул на пол и не соизволил ответить.

— Уяснил?! — повысил голос Николай Зиновьев, которого и кликали Коляном, хотя он этим двоим в отцы мог годиться.

— Ну, уяснил-уяснил... — нехотя ответил Пуля.

— Па! Кто там?! — на порог выпорхнула невысокая худенькая девчушка лет пятнадцати с темными волосами и такими же темными, как у отца, глазами. Черты лица у нее были чуть заостренные, но вполне миловидные и даже привлекательные.

— Надежда, иди в свою комнату! — грозно рыкнул дядька, загоняя не в меру любопытную дочь обратно в дом. — И без моего слова не высывайся!

Девчонка послушно кивнула и юркнула за дверь, прикрыв ее за собой.

— Красивая... — пробормотал Пуля, посмотрев вслед убежавшей девочке.

— И думать не думай! — шикнул Миха, кивнув в сторону входной двери. — Пойдем! Степик, шагай давай!

Степан огляделся — практически всю свободную территорию двора занимал его «шевроле». Слева виднелись какая-то непонятная постройка, всем своим видом напоминающая сарай с собачьей будкой, и кабыздох, натягивающий цепь изо всех своих собачьих сил. Справа же располагались небольшой виноградник и несколько деревьев — персик, алыча да всякие вишни-черешни.

Дом был одноэтажный, с четырехскатной крышей из старого шифера и чердачным окошком под ней. В общем, самый что ни на есть обыкновенный и ничем не примечательный дом.

— Эй, парень, заходи давай, не торчи, как прыщ на подбородке!

Степан последовал за остальными, оставив во дворе своего песика, предупредившего о приближении мертвяка и тем самым спасшего жизнь своему будущему хозяину.

Обстановка дома оказалась не особо богатой, но и бедной ее назвать было сложно... Так, среднестатистический дом — ковры на полу, стенка в центральной комнате-гостиной да раскладной диван-книжка в сложенном состоянии. Перед диваном стол, за которым сидел тучный мужик с выпирающим пивным животом и немного заплывшими глазами.

— Садитесь к столу... — приглашая, махнул рукой в сторону дивана Николай. — Знакомьтесь. Это Иван, муж дочери моей, Светки. А вот и она... А это мои знакомые — Миха, Пуля и э-э-э... — растерялся мужчина, не зная, как представить Степана, с которым Миха так и не удосужился познакомиться.

— Степан, — представился Рогов и протянул руку Ивану, тот ее с готовностью пожал.

Ладони у мужчины на ощупь оказались суховатыми и не очень приятными. Обычно Степа на такое не обращал внимания, но вот сейчас это почему-то очень явно почувствовалось. Хотя сам Иван не вызывал у него неприятия или отторжения, как тот же Пуля или Николай. Сам хозяин дома, судя по всему, тоже был мутный тип. Иначе

почему именно к нему рванули друзья-бандиты? Хотя теперь из-за знакомства с Михой и соучастия в преступлении самого Степана можно было причислить к этой категории граждан.

Из кухни, что располагалась справа от присевшего на диван Степы, вышла другая девушка — тоже невысокая, может, где-то метр семьдесят... хотя... это уже, наверное, считается средним ростом? А впрочем, не важно! В меру худая, не совсем тощая оглобля, но и с боков жир не свисал, с полной грудью и довольно крутыми бедрами. Красивая, в общем. Наверное, это и была Светлана — старшая дочь Николая. С Надей, которую Рогов лишь мельком видел на пороге, общими у нее были блестящие темные глаза и неуловимая схожесть черт лица. Вот так сразу и не скажешь, чем же они похожи, но ошибиться и не понять, что это сестры, было очень сложно. На глазах и лице все сходство заканчивалось.

Светлана оказалась светловолосой. Не от природы, конечно. Степан далеко не дурак, чтобы поверить, что у темноглазой смуглянки могут быть такие светлые волосы. Понятно, что крашенная, но ей это очень шло.

Девушка открыто улыбнулась гостям и поставила на стол большой противень заполненный печеной картошкой с мясом, от которого исходил дурманящий аромат, заставлявший желудок усиленно вырабатывать сок, а рот наполняться слюной.

— Как знала, что будут гости! — проговорила девушка звонким голосом. — Надя! Принеси вилки!

— Сходи сама, — тихо проговорил отец девушки и сел во главу стола, уперев руки в колени.

Светлана непонимающе глянула на отца, но послушалась — быстро проскочила мимо Степана и вновь вернулась уже с охапкой вилок в правой руке.

— Колян, ты нас не познакомишь? — оглядев голодными глазами фигуру девушки, спросил лысый друг Мишки.

— А тебе зачем? — поинтересовался Иван, окидывая

того подозрительным взглядом. От него не укрылся интерес, с которым пришлый смотрел на его жену.

Поженились Иван со Светой два года назад, жили на Радиогорке в подаренной тестем квартире, но с началом всего этого дурдома временно переехали сюда — все же частный дом за высоким забором, да и скопом легче, спокойнее как-то. То, что его тесть Николай Зиновьев был непростым человеком, Иван понял сразу, как только с ним познакомился, но Николай Иванович никогда о себе подробностей не рассказывал, а у Светика Иван не стал выпрашивать. Захочет мужик — сам расскажет. Зять знал лишь то, что Николай Иванович развелся с матерью девчонок, когда Светке еще и пяти не было. То ли мать Светланы загуляла, пока Николай моря бороздил, то ли сам Николай нашел другую бабу, но семья развалилась.

Через некоторое время мужчина и женщина снова сошлись — родилась Надюшка, а вместе с ней и надежда на восстановление семьи. Имя придумал отец, но вскоре мать узнала, что нарек он младшую дочку в честь своей любовницы, которую никак не мог забыть, и снова все полетело к чертям собачьим. Отец снова ушел, и где он пропадал почти двенадцать лет, дочери не знали. Только однажды он появился на пороге дома, где жили девочки с матерью и отчимом, и забрал тех к себе. Мать не возражала. Отчим тоже ничего против не имел. Хотя однажды, буквально сразу после стремительного переезда, Света, забежав к матери в гости на несколько минут, мельком увидела отчима с разбитой губой и синяком под левым глазом... Может, таким образом отец и уговорил отпустить дочек к себе...

А потом Света познакомилась с Ваней, которого буквально сразу же представила отцу — таково было требование родителя. Иван Николаю понравился, поэтому и препятствий в отношениях молодым людям он чинить не стал.

Но Иван всегда знал, что если что-то в нем придется

не по вкусу хмурому мужику, то жизни в этом городе не будет — уж больно разные знакомые водились у тестя.

— Да просто... — сделал вид, что ничего не произошло, Пуля. — Надо же как-то хозяйку звать.

— А хозяйку звать не надо. Она сама, если понадобится, придет. Да и нечего ей здесь делать, за столом, когда мужчины свои дела решают! — ответил Николай, наблюдая, как дочь сноровисто накладывает в тарелки запеченный картофель с мясом и луком, аромат которых щекотал ноздри.

— Колян, да я чё! — развел руки в примирительном жесте Пуля. — Я ж чисто так... Все, базара нема!

— Все, Светлана, иди в комнату. Надо будет что-то — позовем, — кивнул в сторону двери Иван.

Девушка вопросительно глянула на отца и, получив в ответ утвердительный кивок, быстро скрылась в комнате.

Ничего себе порядки! Да девчонка вышколена, как солдат-первогодок. Хотя, может, это и к лучшему, когда девушка привыкает видеть в отце бесспорный авторитет и не смеет его ослушаться. От отца привычки перейдут на мужа. А что может быть лучше послушной и верной жены?

Степан даже горько усмехнулся. Он и представить не мог, чтобы Катерина вот так молча все сделала бы и ушла, если бы он ей таким тоном сказал нечто подобное. Да у Кати рот минут тридцать не закрывался бы, она доказывала бы, что с ней обращаться подобным образом нельзя, ведь она не прислуга и не кухарка, а самостоятельная личность и женщина с большой буквы «Жо»... А эта девчонка только на отца глянула. Да уж... не так прост Николай, ой не прост!

Пятнадцатилетняя Надя и ее подружка Лиля сидели в Надиной комнате и рыскали в Интернете, когда к ним присоединилась Света.

— Что там такое? — поинтересовалась Надя.

— Не знаю. К отцу гости пожаловали, но он какой-то

странный. Сначала тебя отправил в комнату, потом Ваня меня сюда отослал, и отец не стал его останавливать.

— Да ладно вам, девчонки, устроили тут тайны Мадридского двора... — скривилась Лиля. — Нашли проблему. Мужики бухают, а вас отослали, чтобы не отвечивали да не мешали.

Надя с пятого класса дружила с Лилией, гуляли вместе, летом даже официантками подрабатывали на пару — чтобы не так страшно было. Поэтому, когда в закрытую дверь комнаты, где жила Лиля, начали ломиться ее умершие и тут же воскресшие родители, первым делом девчонка позвонила подружке, чей отец и помог ей выбраться из дома, а потом приютил у себя.

Полдня девочка была в ступоре, потом несколько часов подряд редела, отчего к вечеру лицо распухло до неузнаваемости, а потом как-то стала отходить, абстрагировавшись от произошедшего.

Теперь же целыми днями она только и делала, что мониторила в Интернете информацию по всему происходящему, впитывая ее в себя, как губка жидкость.

Несколько часов девчонки сидели в комнате, не выходя и даже не выглядывая. Каждая занималась своим делом.

— Надь, — тихо позвала Лиля.

— Чего?

— Я в туалет хочу.

— И чё? Тебя что, над горшком подержать?

— Ну, Надь. Пошли со мной... — начала канючить девчонка.

— Лиль, ну сходи сама.

— Ну, Надюх... Страшно...

— Пошли. Я тебя проведу, — предложила Света, поднимаясь с дивана, на котором валялась, читая книжку.

Туалет располагался возле кухни, вход в него находился в прихожей, поэтому пришлось идти через гостиную, где сейчас как раз и сидели отец с мужем и гостями. Те что-то шумно обсуждали за бутылкой водки, когда дев-

чонки выскользнули из комнаты, стараясь стороной обойти стол.

Мужчины уже были в подпитии, особенно шумно вел себя лысый, размахивал руками и рисковал свалиться с табурета, доказывая что-то Ивану. Сидящий возле Ивана светловолосый парень в джинсах и свитере только молча жевал соленый огурец, глядя мутноватыми нетрезвыми глазами на граненую рюмку, стоявшую перед ним. Отец тоже довольно шумно что-то обсуждал с третьим гостем, который при появлении девушек устоялся на худенькую фигурку Лили алчным взглядом. Девушка кожей ощутила этот взгляд на себе и постаралась побыстрее выйти из комнаты.

— А это кто, блин? — заплетающимся языком спросил Михай.

— Подружка дочки.

— Подружка? Так, может, отдашь ее нам, а, Колян? — Миха пьяно заржал, увидев расширенные от испуга глаза девчонки, так контрастно выделяющиеся на побледневшем лице. Девчонка на какое-то мгновение впала в ступор, а потом быстренько выскользнула из комнаты и закрылась в туалете. Света тоже пересекла комнату и вышла на улицу — нужно было покормить пса. Иначе он так и будет голосить весь день.

Миха какое-то время сидел за столом, потом поднялся, намереваясь выйти из комнаты.

— Куда? — устоялся на него из-под бровей Николай.

— Колян, да я на перекур! Чё ты?

— Ничё. Иди уже.

Миха, опустошив стоящий на столе стопарик с водкой, схватил соленый огурец и отправил его в рот, не замечая, как струйка рассола стекает по подбородку. Шатаясь и поэтому придерживаясь за стол, а потом за косяк двери и за стены, мужчина вышел на улицу, отметив, что в туалетной комнате горит свет.

Миха вышел на крыльцо, с удовольствием потянулся, чуть было не потерял равновесие — все же выпил он до-

статочно много. Достал сигареты и зажигалку из кармана, со вкусом прикурил, вдыхая горячий горький дым и наполняя им свои легкие. Выпитое давало о себе знать — все плыло как в тумане, ноги казались ватными, да и тело не слушалось, зато все стало по барабану и ништяк.

Из сарая, что располагался слева от стоявшего на крыльце Мишки, вышла старшая дочка Коляна. Нет, конечно, быковать против Коляна в его же доме Мишка и не думал — прекрасно знал, что знакомый такого не потерпит, но вид молодой и привлекательной бабы заставил организм реагировать так, как должно, — в паху резко заняло.

— «Что-то чешется, аж страх. Не помру ли я на днях?» — процитировал он слова из довольно пошлой песни, что слушал еще на школьной скамье.

Девушка, несущая в руках алюминиевую собачью миску, непроизвольно оглянулась на наблюдавшего за ней мужчину. Она не расслышала его слов, но интуиция подсказывала ей держаться от него подальше.

Света поставила миску с кашей перед прыгающим от радости псом, грозящим поцарапать голые ноги — хоть и был конец марта, девушка частенько выскакивала на улицу в одном халате. Псина, прекратив скакать и повизгивать, со вкусом набросилась на еду, уплетала обыкновенную кашу с объедками за обе щеки, не забывая при этом поглядывать на незнакомого человека, стоящего на крыльце.

Света еще на какое-то время задержалась на улице, подождала, пока гость отца докурит и вернется в дом, и только тогда решила возвращаться, позвав с собой все еще испуганную Лилю.

Миха успел вернуться за стол, накатил еще одну рюмку и стал пытаться уговорить Николая отдать ему девчонку.

— Да чё ты, Колян?! Ты ж сам знаешь, какие они... Только баксами покрути, как они уже тут как тут — хоть на столе пляшут, хоть под столом дело сделают. Ты чё, забыл?

— Уймись! Ты не путай шмар кабачных с другими!

И именно в этот момент Светлана и Лиля оказались в поле зрения Миши.

— А она что, не такая? — пьяно скривился Яковлев. — Все они такие. Разница только в цене. — Мишка похлопал себя по карманам, вытащил из одного кошелек, туго набитый купюрами, раскрыл его и, порывшись, извлек две сотенные бумажки. — Эй, шмара, пойдешь к дяде Михасю?

Мишка попытался схватить проходившую мимо него Лилю за талию, девочка шустро увернулась, сделав шаг вперед, но тут же была схвачена Михой за руку.

— Или мало? — Пьяный мужчина резким движением запахнул двести гривен за резинку спортивных штанов, в которые была одета Лилия. Девчонка инстинктивно шарахнулась в сторону, но Мишка цепко держал ее за руку, крепко сдавив своей лапенцией тонкое запястье школьницы. — Так у меня баксы есть. Полтинника хватит?

— Михась! Не тронь девку, говорю! — рывкнул Николай и грохнул кулаком по столу, отчего несколько тарелок и вилок подпрыгнули, издав звон при соприкосновении с поверхностью стола.

От этого выкрика спор между Иваном и Пулей притих, Пуля обвел комнату взглядом и снова обратил внимание на жену недавнего собеседника, стал пьяно разглядывать ее грудь под застегнутым халатом — единственное, что он перед собой сейчас видел.

— Да ладно тебе, Колян, — продолжил Яковлев, которому алкоголь совсем затмил глаза и затуманил разум. — Она ж тебе не родня, ну! Так... приبلуда. Ха! Вон какая сладкая бабенка! Еще целка наверняка... Хотя они сейчас ранние. Слышь, Колян! Ну отдай! Уже неделю бабы не было! Баллоны подпирает! Надо бы напряжение спустить!

— Я что тебе сказал?! Я шас тебе спущу напряжение!

— А по мне... так она тощая... как кошка дворовая, — запинаясь, заметил Пуля, встряв в разговор. — Мне другие нравятся... Чтоб и спереди было за что подержаться и сзади за что ухватиться.